

Мурко Бразадор

«Бермуда»...

Гарара немори

Мирко Благович
**«Белила»... Книга
первая: Начало истории**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Благович М.

«Белила»... Книга первая: Начало истории / М. Благович —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

В первой книге Мирко Благовича разворачивается необыкновенно интересная история жизни обычной городской семьи, своими силами достигшей вершин власти, влияния и богатства. Однако, оказавшись на пике могущества, на смену эйфории приходит осознание, что и власть, и влияние, и положение в обществе, и даже деньги, отнюдь не самые важные гости в этом прекрасном Божественном мире.

Мирко Благович

«Белила»...

Книга первая:

Начало истории

От автора

...И коль уж был так скор несчастный человек в хмельном разврате, так быстр, жесток и глуп в падении своём, так значит нужно всё сноровисто исправить. Исправить и убрать! Убрать подальше с глаз людских долой, как не было того и вовсе. Но не посметь забыть картин ужасных тех, чтобы потомкам рассказать свой опыт. И не посметь забыть о множестве грехов своих, чтобы, обжегшись в страшные эпохи многократно, предостеречь, спасти детишек наших, коль сами не успели в рай попасть. Краснея и жалея искренне о серости прожитых бранных дней, судьбы жестокие уроки нам забывать негоже. А гоже сделать выводы, детишек воспитать. Их научить, как Человеком быть, но не живущим в смраде организмом.

Никто не говорит, легко что будет. Но стоит постараться. Собрав последние все силы, стиснув зубы, Системы атакующий порыв, зловещий, тёмный, нам надобно отбить. И выстоять. И мир весь разбудить, чтобы конец счастливый, светлый, сей драме несусветной положить. Иль может это будет не конец, но лишь начало только? Начало нового, земного Бытия, наполненного радостью людской и пасторальной музыкой Любви? Всем нам решать, читатель дорогой. Всем вместе...

ЧАСТЬ 1

Предисловие

...Здравствуйте, мои любименькие сыночек Мишутка и дочурка Оленька. Если вы читаете этот дневничок, значит нам пора попрощаться. Всё когда-нибудь заканчивается. Претворяясь – преобразуется, перерождается, трансформируется, меняется. Уходит в Вечность. И вновь возвращается. Яркий, стремительный рассвет сменяется алым, благородным закатом. Навстречу луне спешит, улыбаясь, солнышко. Знойное лето, переливаясь сочными оттенками радуги, однажды принимает в гости багряную благодатную осень. День, как память об ушедших минутах жизни. А век сменяет новая эпоха. И вновь, торопится, бежит, очередной эпохи светлой первая минутка. Исход великого Начала – не в этом ли всей мудрости вселенской, бесконечной, скрытый смысл? Где Альфы звонкое рождение, там и закат Божественной Омеги стынет в мудрой тишине. Так было всегда. Так будет всегда.

Моя жизнь подошла к закату. Как быстро она пролетела... С удивлением оглядываюсь назад и понимаю, что вроде бы совсем недавно я выглядывал в окошко своей квартиры – улыбочивый круглолицый пацанчик с румяными щёчками, весёлым свистом созывал закадычных друзей и, собравшись в дружную весёлую стайку, мы убежали играть в казаков-разбойников. Ещё, казалось бы, одно мгновение, моргнуть не успеешь – и вырос я, совсем уж взрослый парень. В судьбе открылась новая страничка. Школьные олимпиады, игры в КВН, интересные девчонки, лиловые вечера в уютных аллеях молчаливого тёмного сквера, душевные дворовые песни под старенькую шестиструнную гитару. Первая любовь. Первое разочарование. Ещё одно мгновение – студенческая пора, бесшабашная и яркая. Сопромат, мировая экономика, теоретическая механика, основы делопроизводства и документооборота. Сухое вино в залихватских общагах, стихи под луной. Преданные друзья и отчаянные потасовки с оторвами из соседнего факультета. Зимняя и летняя сессии. Новая любовь. Новая разлука. Первый опыт, первые волнующие победы, первые болезненные неудачи. Греющее осознание, что жизнь прекрасна. Будоражащие мысли о том, что всё в ней только начинается: и любовь, и дружба, и воплощение тайных планов, мечтаний. Уверенность, что самое интересное впереди. Уверенность, что всё сложится как надо. И так было чудно на душе.

Потом работа. Карьера. Бизнес. Профессиональный рост. Профессиональный, с этим-то я согласен. Но вот рост ли? Обманутый реальностью, я мчался по жизни, решительно убеж-

дённый в том, что справлюсь с любыми вызовами, решу любые проблемы. Многого добьюсь. Заработаю кучу денег. Успею сполна посвятить себя милой жёнушке и вам, моим любимым лапочкам. Смогу без остатка отдать себя семье. И я почти успевал. И даже достигал самых недостижимых вершин. Транжирил жизнь на бизнес-проекты, разменивался на очередные задачи. Мчался, сломя голову, сквозь года и расстояния, сквозь дожди и зной, сквозь правду и недомолвки. Совершал много ошибок. Обижал окружающих меня людей. Сильно обижал! Словом или делом, отношением или бездействием, вынужденно или специально – не суть важно. Главное, что бывал неправ. И при этом, порой, допускал трагически неверные шаги. И так бы мне хотелось, чтобы вы, мои дети, мои кровиночки, самое дорогое, что у меня есть, прожили долгую-долгую, непременно счастливую и достойную жизнь. Не повторили моих ошибок. Не распылили свою жизнь на сокровища, душа которых – грязная придорожная пыль. Присмотришься поближе, а это и не сокровища вовсе, так, сплошные слёзы, разочарование и потерянные дни.

Мы с мамочкой очень сильно вас любим. Я хочу, чтобы вы знали об этом. Я хочу, чтобы вы всегда помнили об этом. Да вы это знаете. Конечно, знаете! Не хочу, чтобы от нашего расставания у вас в душе поселилась боль. Не хочу, чтобы в ваших глазках стояли горькие слёзы. Теперь я убеждён твёрдо: люди не умирают, они просто ненадолго покидают своих близких. Поднимаясь ввысь, в далёкие светлые миры, они устремляются туда, где сияет одна лишь любовь, где нет жестокости и зла, жадности и лицемерия. Чистыми невесомыми душами они воспаряют к облакам. Поближе к прекрасным звёздам. Уютненько располагаются вместе с Боженькой на тучках и наблюдают за живущими на Земле. За радостями и горестями людскими. За суетой мирской. За громкими достижениями и досадными неудачами городов. Наблюдают. И размышляют: поражение ли то, что люди называют поражением? Достижение ли то, что люди считают своей главной победой в жизни?..

*Ваш самый лучший друг,
папа.*

Детство

1981 год. Советский Союз.

«...Завожу тайный дневничок. Определённо! Раньше в этом не было необходимости, но сейчас в моей жизни происходят такие события, из-за которых очень стала нуждаться в близком добром собеседнике – тайном друге, который всегда был бы рядом, которому можно было бы доверить сокровенные мысли, излить наболевшее, быть искренней, не рискуя оказаться высмеянной...»

Много лет назад такими вот взрослыми словами открывалась первая страничка дневника моей любимой сестрички Ярославушки. Подобные дневнички, зачастую – весёлые, разбитные, реже – тайные, глубокомысленные, печальные, престижно было заводить каждому советскому школьнику того времени. Помните? Иногда подружки в них ещё записывали любовные стихотворения и пожелания, а друзья рисовали прикольные картинки и калякали смешные карикатуры? Появился однажды такой дневник – голубенькая толстая тетрадка в клеточку – и у моей сестрички. Появился он в то счастливое время, когда нежданно-негаданно в детском сердечке просыпается первая школьная любовь. Запали они мне, пятилетнему карапету, эти случайно прочитанные строки, на всю жизнь. Почему? Ответ на этот вопрос я смог дать себе лишь спустя долгие три десятка лет.

Был это далёкий 1981 год. Мне исполнилось пять годочков, а моей сестричке – девять. Где-то в незнакомом огромном мире бурлили нешуточные страсти и передраги, праздновались торжества и оплакивались трагедии, гремели триумфы и катастрофы. Народ государства со странным названием Чили вынужденно избирал себе «конституционного президента» – кровавого диктатора Аугусто Пиночета. В Лос-Анджелесе были установлены первые случаи «странной пневмонии», впоследствии оказавшейся неизлечимым заболеванием СПИД. Грозный гос-

секретарь США Алекс Хейг, при молчаливом одобрении новоизбранного президента США Рональда Рейгана, голосил о возмутительной причастности СССР к международному терроризму. А пока голосил, сборная СССР по хоккею с шайбой уверенно разрывала всех подряд на шведском Чемпионате мира и в финале заняла первое место. В ГДР праздновали 20-летнюю годовщину возведения Берлинской стены. Скольких важных событий, сенсаций, больших достижений и громких заявлений случилось в этом году! Для нас же, малой ребятни, это был обычный тихий год счастливой советской жизни.

«Я рождён в Советском Союзе, сделан я – в СССР» – слово в слово про нашу семейку. Папка работал инженером в одном из конструкторских бюро города, был замом начальника КБ машиностроительного завода. Мама – учительница украинского языка и литературы, воевала с детишками в местной школе. Позже, за усердие и кропотливый труд, мамочку отметили солидным служебным повышением до начальника районного отдела народного образования (РайОНО). В нагрузку к должности ей спустили обязанности заведующей отдела пропаганды и агитации при местном райкоме коммунистической партии. В общем, жила себе в областном центре крепкая советская семейка.

Жили мы небогато, но сытно и счастливо. Почему считаю, что небогато? Видимо, такое мнение у меня сложилось из-за случайно подслушанного однажды родительского разговора. По обрывистым фразам из беседы родителей (большинство пап и мам почему-то считают, что маленькие детишки ни бельмеса не смыслят во взрослых беседах) я пронырливо прознал, что мы задолжали целую тысячу рублей за капитальный ремонт квартиры, которые никак не можем вернуть какой-то строгой и ворчливой тётеньке-заёмщику. А сытно и счастливо – потому что невзирая на отнявший отцовы сбережения бессовестный ремонт, наш семейный стол всегда душисто дымился свежим завтраком, плотным обедом и смачным ужином.

Как и всем маленьким детишкам, по возрасту мне полагался детский сад. Про это учреждение ничего хорошего или плохого сказать не могу. Хотя бы потому, что я его практически не посещал. Я и расположенный у нашей пятиэтажки детский сад «Журавушка» были такими же несовместимыми вещами, как и изнеженный в сметанке украинский вареничек со шкварками и гурман-якудза. Много лет спустя, когда я и сам уже стал папашей, был интересный случай. Мой Миха в детстве жуть как боялся инъекций – всяких там обязательных прививок, которыми родители частенько припугивают своих непослушных чад. И когда в школе всем первоклашкам раздали личные медицинские карточки, то Мишка, проявив инициативу, в графе «несовместимые факторы» выразил крик души так: «...все уколы, Манту, неизвестные горькие таблетки, математика, уборка в письменном столе». Мы с жёнушкой чуть животы не сорвали со смеху, когда наш ребёнок притащил домой карточку с обозначенными корявеньким детским почерком «факторами».

Так вот. Если бы мне в детстве выдали такую карту, в графе «несовместимые факторы» я бы не раздумывая написал: детский садик «Журавушка». Уж так я его, казённого, не любил! Хотите верьте, хотите – нет, но уже в свои четыре годика я вполне спокойно мог находиться дома сам. Видимо, у папы и мамы, как это зачастую случается, просто не оказалось другого выхода. Перспектива посещения ненавистного детского учреждения №1309 порождала во мне настоящую истерику. Скандалы протекали по полной программе детского протестного жанра: с диким воем, трясущимися ручонками, ручьём слёз и скороговорными причитаниями в адрес детсадовского рабства. С другого боку родителей подпирала служба. Если вы, дорогие друзья, уже перешли в почётную и ответственную категорию «родители», прекрасно поймёте, о чём я говорю. Каково оно клубиться в Системе. Детишки скучают, днями горюют за папами и мамами, но увы, у родителей – работа, работа и ещё раз работа. Без вариантов.

В общем, на семейном совете решили, что вместо садика я буду сидеть дома. Но чтобы безо всяких шалостей.

Ох уж эта самостоятельность! Качество оно, конечно, неплохое. Но для пятилетнего ребёнка оно несёт определённые риски и загадки. Особенно, когда пыливый детский ум жаждет всё познать, выяснить и во всём разобраться. «Во всём, – спросите вы, – это в чём?» Ну, например, в том, какова глубина таинственных чёрных дырочек в розетке. Что, не интересно, скажете? Ещё как интересно! Главное, чтобы родители не узнали. Да они до сих пор и не догадываются! Не поленился я тогда порыться в отцовом ящике с инструментами. На глаза попались две длинные проволочки. Классно! Спицы – это именно то, что мне нужно для познания окружающего мира. Дай, думаю, в отверстия розетки засуну, а потом на спицах пальцами уровень зафиксирую. Интересно, глубокие дырочки, или нет?

Оказались неглубокие. Отлетел я от розетки после тех замеров метра на два. Фаза по пальцам полоснула так, что искры из глаз. И дух почти вон. Лежу на полу, ловлю впечатления. Такое ощущение, будто кровь в венах закипела. Голова гудит, словно церковный колокол. Пальцы пекут, прямо нестерпимо. Распластался я, значит, на ковре. Затих. И ногой пошевелить боюсь. Да и вообще, на месте нога-то? Набрался смелости, пошевелил. На месте. Благо, размолвка между мной и розеткой произошла утром – времени отлежаться было достаточно. Повалился я на полу с полчаса. Пошевелил ногой, рукой. Руки-ноги, вроде бы, на месте. Бровью изумлённой поводит. Глазом поскрипел. Покрутил носом. Показал подлой розетке язык. Всё в порядке. Поднялся. Вроде бы, пронесло. И до вечера, к приходу родителей, я снова был как свеженький пятилетний огурчик.

К обеду, эдак в половину второго дня, возвращалась домой моя любимая сестричка Славунька. Она старше меня на четыре года. И слава Богу! Исторически почему-то сложилось так, что за всяческие шалости большая часть родительских подзатыльников и нареканий достаётся именно старшему отпрыску. Тут мои тылы были прикрыты полностью. Видимо, поэтому я и успел наделать так много гадостей и материального урона в квартире.

Самой первой, значит, приходила домой сестричка с учёбы. Где-то после часу дня, не раньше. Школьный портфель, советский, пузатый такой – швырь в сторону! Руки мыть, и быстрее чего-нибудь слопать. Не кормят их в школе, что ли? Точно. Не кормят. Вижу, только руки помыла, и бегом на кухню. Поднимает Славуня крышку на кастрюле, а там... мамочка родная! Какая гадость там лежит! Я уже видел. Шарил с утра по кастрюлям, в поисках чего-нибудь особенно вкусенького – котле-е-еток или тушёной капусточки в томате, и наткнулся. Холодная манная каша! Фу, страхи детские. А Славуне всё нипочём. Крикнув на ходу: «как дела, Витуська?!», схватила самую большую алюминиевую ложку и в манку её – тык! Ложку в рот – раз! Студёнистую щербатую горку поминай как звали. И с собаками не сыщешь. Потом ещё одну. Потом ещё. Как так можно? Да ещё и без варенья. Моего любимого. Абрикосового. Совсем детей не кормят в этой чёрствой школе!

Это потом уже, через пару лет, когда я сам пойду в школу, то узнаю, куда идут родительские однорублёвки и тройки, выделенные на школьные завтраки. Бегают голодная детвора, тощая, как советские велосипеды «Спутник». Зато у каждого по две рогатки или модная шариковая ручка. Или, страшно даже сказать, линейка с переливающимися мультипликационными картинками. Какие там булочки с компотом! Какая там каша и сосиски! В моём школьном арсенале таились модный карандаш с пластмассовым наконечником-утёнком и полтора метра резинки «венгерки» для самострела. И конечно же, с булочкой и компотом тоже полный пролёт.

В пять вечера с работы возвращался папа. Он у нас, как я уже говорил, инженер-конструктор. Не знаю, право, чего они там в своём КБ конструировали, но в моём понимании папина работа ассоциировалась с кучей графических схем, набором чертёжных инструментов и большим пластиковым дипломатом. В дипломате отца, как и у любого советского конструктора, всегда шелестели профильные чертежи-миллиметровки, тархтели толстые конструкторские и копировочные готовальни, а между ними шуршали пахнущие вкусной «Люби-

тельской» колбасой (два девяносто за кило) помятые газетки из-под бутербродов. Я был настоящим сынишкой инженера! Такие названия, как криволинейный рейсфедер, эксцентрическая линейка или кронциркуль хотя и напоминали мне знаменитое «крекс-фекс-пекс» из «Приключений Буратино», но я чётко знал, что это нечто такое, что помогает рисовать всякие странные каракульки на ватмане, которые как-то связаны с папиной работой.

Отец, вернувшись со службы, звонил в дверь своим фирменным «дзинь, дзинь, дзинь-дзинь-дзинь». Мы со Славуней бросались к входной двери, не забыв ответственно спросить: «кто там?» Щёлкали замком, цеплялись папке на шею, целовали его. И он нас. С неизменным «привет, лапúльки», папка ставил в коридоре дипломат, раздевался, проходил в ванную, тщательно мыл руки и долго-долго выстирывал над раковиной свои длинные чёрные носки. В это время я, полностью отлыгавший от поражения током, и Славуня, у которой манка провалилась давным-давно и незнамо куда, сидели в своей детской комнате, поскрипывали голодными потрошками и размышляли о временных тяготах Мироздания. И ещё о том, что было бы недурно, если бы наша любимая мамулечка вернулась домой пораньше. Вскоре к нашему ожиданию присоединился и папа. А ждать-то ещё целый час. А кушать-то хочется! Отец, побыв с нами минут двадцать, расспросив что да как (кто же признается?), направлялся на кухню, нарезал к ужину какой-нибудь овощной салат и хлеб. Мамочка возвращалась домой самая последняя. Она у нас очень занятая инспектор РайОНО! И к тому же, целый начальник районного отдела пропаганды и агитации. О чём эти профессии, я тоже не очень-то понимал, но догадывался, что мамина работа – какое-то важное и значимое занятие.

Вечера у нас на хуторе случались дивные. Толкаясь, мы рассаживались за небольшим белым столом в крохотной пятиметровой кухоньке. Вкушали наваристый душистый борщик, салат с помидорами и огурцами или пшеничную кашу с жареными кабачками и куриными котлетками. Мы с сестричкой, довольные, что наконец-то можно подкрепиться, уплетали за обе щеки! Улучив момент, можно было и под столом ногами попинаться. Так, чтобы родители не заметили. Не переставая, конечно, жевать.

У родителей к ужину – важные беседы о прошедшем дне. То какой-то дядька Егорычев чего-то кому-то поведал, а с отцом так и не поделился, то другой дядька Пронин кому-то напакостил. Даже криминал присутствовал. У мамы на работе, из шкафа, видите ли, шарики воздушные кто-то стырил. Целых пять упаковок, по сто шариков в каждой. Чем теперь прикажете наряжать картонный стенд к празднованию шестьдесят четвёртой годовщины Октябрьской революции? И вот так, каждый ужин: то Пронин, то Егорычев, то Иванов с Петровым, то начальство ругает, то коллеги балбесы. Нам, детворе, было ясно одно: нужно побыстрее доесть ужин, сказать «спасибо», чмокнуть в щёчку папу и маму, убрать в раковину грязные тарелки и поскорее спасаться бегством. А то затянешь с едой, не успеешь покушать сноровисто, тогда жди беды. Пронина и Егорычева обсудили. Иванова с Петровым на место поставили. Отец не спеша доел последний, самый смачный кусочек. Новостей больше нет. Сыто кашлянув и оглядев нас со Славуней, папка поведёт бровью и протянет важно так:

– Де-е-етки, что-о-о, ещё не дое-е-ели? Не успе-е-ели? Вкусно же! Ну-у-у-у... Даёте! Бес-с-о-о-вестные! А знаете известную морскую поговорку?

Конечно же, мы её знали. Не первый раз поди такое случается.

– Кто доедает, тот и убирает...

Эх, несправедливо как-то на флоте дела обстоят. А мы, дети сухопутные, тут причём? Всё бы ничего, да только прославленный морской распорядок частенько оборачивался для нас долгим мытьём жирной посуды. Про моющие средства тогда и слыхом не слыхивали. Соль, сода. Вот, в общем-то, и весь выбор. Кушал медленно, неохотно – значит, за тряпку и вперёд! А если выпадет пакеты из-под мясного фарша, полиэтиленовые, жирные, стирать? Или из-под минтая растаявшего? Вот где триллер! Поэтому если к ужину подавали какое-нибудь наше нелюбимое блюдо (например, молочный суп с вермишелью), мы со Славуней всё равно

старались кушать расторопно. Вот пусть папа с мамой между собой и разбираются потом, кто доедает, а кто убирает.

После ужина наступало законное время отдыха. Родители шли к телевизору, а мы с сестричкой направлялись в детскую, играть в принца и королеву. Частенько хитрая королева нещадно угнетала малолетнего простоватого принца, чему подтверждением были мои обиженные вопли. Но недовольные замечания средневековых судей-сенаторов: «Дети, имейте совесть! Дайте спокойно новости посмотреть!» охлаждали наши былинные баталии.

Жили мы дружно. Как и все советские семьи внатяжку собирали деньги на зимнюю одежду, новый телевизор, тайно смели мечтать об автомобиле, откладывали каждый месяц по 25 рублей на модную польскую мебельную стенку. И, скажу я вам, дело потихоньку двигалось. Одевались мы неплохо. В Советском Союзе с одеждой никто не заморачивался. Не было плохой одежды или одежды стильной. Была удобная одежда под названием «как у всех». Или ещё проще: одежда была. Одинаковые белые футболки с чёрными полосками на плечах, голубые шерстяные спортивные костюмы с белой пластмассовой молнией на мастерке – те самые, в которых штанины и рукава на сгибах образовывали гламурные «пузыри». (В силу дефицита, эти костюмы можно было покупать на пару размеров меньше – растягиваясь, они замечательно подходили даже самому плотному хозяину и в них было весьма комфортно). Утеплённые болоньевые куртки, шапочки-петушки с надписью «Спорт», лёгкие куртки-ветровки защитного цвета, ну и так далее. Вы меня понимаете. Особенно, старшее поколение.

Покупка нового ширпотребовского костюма, юбки или свитера считалась в СССР событием вполне заурядным. Что касается бытовой техники или мебели, тут покупка превращалась в целое торжественное мероприятие! Помню, как мы купили свой первый цветной телевизор – обалденный «Электрон Ц 380/Д» с восьмью кнопочными каналами и четырьмя ручками-регуляторами. Мечта советского человека. После нашего лампового телевизорчика-трудяги на тощеньких ножках-подставках трудно было не впасть в восторг от более технологичной модели «ящика». Хотелось смотреть и смотреть на важного дядьку-диктора в огромных толстых очках (это был легендарный диктор Игорь Кириллов), слушать и слушать его речи об успешном выполнении и перевыполнении заданий текущей пятилетки, поставленных ЦК КПСС перед трудовым народом. Бред, конечно, вещает Политбюро, зато какой вид, какой звук, какая цветовая гамма! Сказка. Ну да ладно, с телевизором этим. Посмотрели недельку-другую, поохали всласть, да и привыкли. Как будто он всю жизнь у нас в углу на столике стоял. Расскажу лучше про нашу мебельную стенку.

Её приобретение я помню до сих пор. Это было грандиозное событие года! Ссуду на покупку мебели родители оформили в Сбербанке СССР. Других банков тогда просто не было. (Между прочим, при наличии ходатайства от профсоюза и справки с места работы, заём оформлялся под 2% годовых. Если заёмщик в силу разных причин не справлялся с выплатами, ему предоставлялись кредитные каникулы сроком до одного года). Долгие мытарства отца по мебельным базам, бесконечные мелкие взятки и презенты – бутылки «Советского» шампанского, коробки конфет «Птичье молоко», «Стрела», «Курочка Ряба», голубенькие банки с ароматной сливочной сгущёнкой, звонки немногочисленным знакомым, способным хоть как-то помочь в решении вопроса – в ход шли все приёмы борьбы с дефицитом. И вот, наконец, свершилось! Наступил день, когда к нашему подъезду прибыл заветный мебельный контейнер. Тащили мы эту стенку к себе на этажи всем подъездом. Мы со Славуней волокли пакеты с болтами и саморезами, мама с соседями грузила упаковочные листы картона. Отец, изрядно вспотевший и уставший, но жутко довольный, помогал нанятым за два червонца (каждому!) грузчикам поднимать основную конструкцию.

Широко расположившись в зале, заграничная мебельная стенка сияла добротностью и шиком: два книжных шкафа, один бельевой отдел, встроенный бар с подсветкой (с ума

сойти, фирмá!), мощный верхний ряд антресолей. Люкс! Стенка дышала роскошью неведомой заграничной жизни. Для нас же со Славуней праздник оказался двойным. Новая мебель, это, конечно, здорово. Но пусть ей в полной мере взрослые порадуются. А нам, детворе, помимо мебели, досталась ещё и картонная тарная упаковка. Вот где чудо! Три огромных короба, с десяток мелких коробочек, листы картона размером два на два метра, упаковочная плёнка, пенопластовые полуметровые брусочки – было из чего возводить сказочные замки, таинственное поместье или усадьбу. А ещё в этих огромных коробках можно было прятаться и играть «в домики». Чем мы и кинулись заниматься с великой детской радостью.

Новый картонный «конструктор» настолько пришёлся нам со Славуней по душе, что отец с мамой, обычно строгие к нашим звонким шалостям, на целую неделю отдали нам в откуп гостиную, чтобы мы вдоволь смогли повозиться внутри этого макулатурного рая. Благо, у сестрички наступили школьные каникулы, и мы сутками напролёт копошились среди бесчисленных кубиков из гофрированного картона и пенопласта.

Но счастье не бывает вечным. Прошла неделя, и даже половинка второй прошла. Родительское терпение лопнуло, и наши нелепые сказочные домики, полностью оккупировавшие гостиную и детскую, строгой папиной рукой превратились в аккуратные стопки картона. Пыхтя и отдуваясь, мы со Славуней отнесли их в близлежащий пункт приёма макулатуры и обменяли на пахнущую типографской краской новенькую подписку Джека Лондона.

Праздник закончился, выходные прошли, неумолимо надвигались серые будни. Родителям – на работу, сестричке с утра – в школу. Ну а мне – домоседствовать. Бдеть за хозяйством. Ну, я и бдел. Ох, как же я бдел! Все бы так бдели. И цветы поливал, и подметал на кухне, и чашки после молока и чая вымывал, и своё блюдо после бутерброда тоже драил. (Лишь бы только в детсад не замели). Даже иногда спал в обед, как мама приказывала. Но гулять в свободное от домашних дел время тоже не забывал.

Так-с, чем же сегодня, помимо бдения, таким интересным заняться, а? Квартира исследована, поди не один месяц домохозяйственного стажа, машинки на ковре в детской расставлены, подъёмный кран из кубиков собран, мозаика – тоже. После демонтажа картонных замков, на первый план моего домоседного внимания выходила новенькая мебельная стенка. Благоухая заводским лаком и сияя полировкой, бередила она душу мою неотступно. Ну подскажите, вот что с ней делать, а? Колёс у неё нет, на бечёвочке за собой не потягаешь. Спрятаться в ней тоже не получается – ящики слишком малы. Чему папка с мамулей так радовались? Каков прок от столь дорогой обузы? Непонятно. Разве что собирать и разбирать её, ну, вроде бы как конструктор? Хм... конструктор? Хм... интересная мысль. Интереснейшая!

Сузив круги, я засуетился вокруг шкафа, словно прожорливый полосатый кот у блюда с деревенской сметанкой. И так примерюсь, и сяк пристроюсь. И боком подойду, и табуретку подставлю, залезу, в антресоли любопытный нос засуну. И хочется, и колется. Громадный полированный конструктор, конечно же, прельщал. Инструмент отцовский известно где лежит. В металлическом ящике, в прихожей. Отвёртки там всякие, ключи, рулетки. Болтики торчат внутри мебели, гаечки – все видны. Как их крутить, я тоже знаю. Не двухлетний юнец всё-таки. Пять с гаком. Да только вот проблема: где затаился отцовский ремень, широкий такой, солдатский, рыжий, с увесистой жёлтой бляхой, я тоже знал. Страшно.

Страх страхом, но детское любопытство победило. Какой нормальный ковбой удержится от сборки такого грандиозного конструктора? И дело пошло. Перетащив из металлического ящика в зал отцовский инструмент, я принялся за работу. Справедливо рассудив, что откручивать гайки в основании шкафа слишком опасно, решил заняться антресолями. Взял табурет повыше, забрался на него, открыл дверцы шкафчиков. По-хозяйски засучил рукава ситцевой рубахи и приступил. Первые две гайки открутились от шпилек довольно-таки быстро. Скрипнув, одна стенка антресоли подозрительно перекосилась. Но меня это не остановило. Усердно,

как будто за это обещано было приличное вознаграждение, я продолжал крутить гайки. Антресоль закрипела раненым зверем. И тут, о ужас! Освобождённая от гаек, полка сорвалась со шпилек и со свистом рванула мимо меня в сторону телевизора. Гу-гук под столик! Хорошо, в телик не попала. По принципу домино, за ней последовала и вторая полка. Эта меня не пощадила – прямо в пятак – бац! Я с табуретки на пол – бабах! Ой!

Воплей не было, испугаться тоже не успел. Медленно и тяжело поднялся с пола, опасливо отряхнулся. Помацал нос. Больно, но крови нет. Отдышался. Вроде бы, цел. Нужно обратно всё собирать. А как? Снова залез на табурет, еле-еле поднял полку. Тяжёлая, заразища! Давай вставлять её обратно, а она, пакость, ни в какую! Не вставляется в шпильки, хоть убей. Её бы придавить дюжее, да силёнок маловато. Тужился, тужился. Всё! Не могу. Антресоль, словно издеваясь, перекосилась ещё больше. Что же предпринять? Может быть, раскрутить все антресоли, чтобы одна не выделялась? В принципе... а что, хороший план! Хотя нет, не буду. Родители сразу заметят. Тогда уж точно без суда и следствия в детский сад отправят. Передохнув, я ещё раз попробовал вставить полку в шпильки. Беда. Не получается. Ну да ладно. До вечера время ещё есть, чего-нибудь придумаю.

Ага! А это что за беленькие штучки такие интересные? Я снова взобрался на табурет, присмотрелся. Замки антресолей белели пластмассовыми коробочками-фиксаторами со встроенными прямоугольными магнитиками. Слушайте, ребята, какие прикольные магнитики! На дверцах шкафчиков прикручены пластинки железные, вот они к этим магнитикам и прилипают, дверцы закрытыми удерживают. Вот бы достать хоть один магнит! Ни у кого во дворе такого крутого магнита нет. А у меня будет!

Шмыгнув носом и подтянув сползающие колготки, я направился за отвёрткой. Вернулся. Крутил саморезы, крутил. Так и не смог открутить фиксатор. Кряхтел-пыхтел, снова ничего. Тогда я взял, вставил отвёртку между магнитом и корпусом фиксатора и, словно рычагом, раз! Тонкий пластмасс хрустнул как семечковая шелуха. На пол выпало не один, а целых четыре магнита. Ура! Вот это да! Четыре! Удача. Что ни говори, а можно-таки добиваться поставленных целей. А то родители всё пилят нас со Славуней: нужно быть целеустремлёнными, трудолюбивыми, усидчивыми, настырными. В жизни, мол, пригодится. Вот! Мы уже именно такие и подросли!

Подняв с пола четыре чёрных брусочка, я погрузился в высшую математику. Прикинул в уме: четыре магнитика – это с одного фиксатора, а фиксаторов у шкафчика два, а отделений внутри антресоли целых шесть... Сколько это будет? Попытался подсчитать. Четыре, пять... что там после пяти? Шесть, семь, восемь, тринадцать, девять... А после десяти? Девятнадцать? Четыре плюс четыре, это восемь. А шесть раз по восемь? Тыща? В общем, много. Целое богатство. И, не долго думая... я выковырял магнитики из всех шкафчиков. Сложил магниты в стопочку, а они такие изумительные! Новенькие, пахучие, липучие. Я быстро переоделся, натянул кеды, прихлопнул макушку кепкой и помчался на улицу.

Притормозив торжествующий галоп, выплываю, значит, во двор, словно царь на именинах. Вижу, ребятня по детской площадке распласталась, кто где: Сашка Бубнов, бросив мяч, задумался около песочницы. Андрюха – рядом с ним плюхнулся, лопаткой в песке лениво ковыряется. Жека какого-то паучка на ладошке дрессирует. Я проследовал к друзьям важной походкой индийского павлина-самца:

– Паца, а глянь-ка чо у меня!

– Ну и чо? – пацанва, явно заинтересованная, оживлённо засуетилась.

Я разжал запотевшую ладошку, а там... сокровище! Новые магнитики. Сашка смекнул сразу:

– Меняйся, Витаха! Дашь на дашь. Ты мне один магнитик, а я тебе из дома машинку свою притащу. Помнишь, как она тебе понравилась? Она но-о-вая!

Хе-хе, дурака нашли! Такие машинки пластмассовые, по восемнадцать копеек, у каждого есть. А вот магнитов – тью-тью. Ни у кого! Андрюха оказался более прагматичным. Может быть потому, что был на год старше нас с Сашкой. Следующей осенью ему в первый класс идти. Вот потому и хитрый такой. Шмыгнув грязным носом, он обогнул Жеку, подошёл ко мне и как можно душевнее, вкрадчиво так поинтересовался:

– Витаха, мы ведь дружим?

– Дружим! – гордо заверил я.

– Крепко?

– Ха, а то-о-о!

– Мне мамка двадцать копеек дала, хлеба наказала купить. Продай мне один магнит! Мы же друзья!

И суёт мне беленькую монетку.

Прикинув в уме, что двадцать копеек по нынешним временам – совсем неплохой капитал (да и другу как откажешь?), я кивнул. Потом ещё одному пацану кивнул. Потом ещё. И торговля пошла, родная! Новость, что к нашей песочнице поступили в продажу таинственные чёрные магниты, вихрем облетела близлежащие дворы. Вскоре, расторговавшись и отбившись от дворовой мелюзги, Жека, Андрюха, Сашка и я развалились на лавочке у подъезда. Много мам и бабушек в это утро так и не дождались ни хлеба, ни молока, ни соли.

– Ребза, – просиял я, воодушевлённый богатым торгом, – чо дальше делаем?

– Кане-е-е-шна! Ты теперь богатенький Буратино, – тыкая пальцем в мой вздувшийся карман, протянул Андрюха. – Чо хошь мона купить.

– А чо? – заинтересовался я, ощупывая в кармане жменю тусклой мелочи.

Андрюха наклонился, воровато огляделся и, будто выдавая какой-то ужасно важный детский секрет, шмыгая разгильдяйским носом, прошептал на ухо:

– У нас за углом, ну, в игрушечном, знаешь какие вертолётки клёвые продаются? Красные, с жёлтыми такими пропеллерами и белой кабиной. Сами летать могут. Погнали, купим хотя бы один, запустим!

Идея всем понравилась.

– Погнали скорее! – загорелся я. – Бегом, айда!

Прибежали в игрушечный магазин, нашли вертолётки. Действительно, клёвые. А хитрец Андрюха, тем временем, продолжал нашёптывать пропозицию:

– Виталька, только в вертолётки гоже играть компанией. Толку-то, если сам. Будешь ходить один-одинёшенек, губами дырынчать. Купи и нам! Вместе, оно ведь интереснее, а?

Парень я был не скупой. К тому же, многочисленная эскадрилья обещала более завлекательные воздушные бои. Словом, скупил я этих вертолётчиков на всю имеющуюся у меня наличность. Целых восемь штук. И Жеке, и Сане, и Андрюхе, и себе. По два вертолётка на брата. Ещё и на бутылку ситро, и на булочку сдобную за девять копеек осталось.

Возвращается, значит, вечером отец с работы. Зашёл во двор, а на детской площадке – сплошной драйв. Бегают по площадке детвора, а в её гуще – я, главный пилот. У кого в руках один вертолётчик, у кого – два, всем весело.

– Др-р-р! Шестой борт, атакуй пятого срочно! Шестой, слышишь? Четвёртый, четвёртый! Я на связи.

– Ы-рын-дын-дын! Ру-ру-ру-ру-ру!

– Шестой ответил!

– Четвёртый на связи, слышу хорошо.

– Обгоняю, захожу на залп!

Хмыкнув нечто неопределённое, поведя бровью и на миг о чем-то задумавшись, отец помахал мне рукой, зашёл в подъезд и поднялся по лестнице. Открыл ключом дверь (Славуна

занималась в тот день на продлёнке). Зашёл в квартиру, поставил на пол дипломат. Заглянул в зал. А там – картина маслом. Стоит наша новая мебель, одна антресоль совсем перекосилась, остальные – с открытыми наполовину дверками расчерепились. На полу какие-то пластмассовые штучки переломанные валяются. Отец попытался закрыть дверки, а они ни в какую. Прикрыл одни дверки, открылась другая пара. Ещё раз попробовал – то же самое. Заглянул внутрь шкафа, а там... мать честная! Фиксаторы выломаны с корнем, одни шурупы торчат.

Вертолётная эскадрилья, покорив воздушное пространство двора и выполнив поставленные боевые задачи, улетела поближе к поросёнку Хрюше, пёсику Филе, вороне Каркуше и зайцу Степашке – смотреть «Спокойной ночи, малыши». Неотвратимо наступал вечер, и я, испуганно зажав в руке одинокий вертолётник, оставался один на один со своими неприятностями...

Быть и взывать о пощаде было бесполезно. Ремешок грозно свистел у меня за спиной и смачно плямкал по попке. Ай-ай! Ой! Ёй! А ремешок – плям, плям! Терпел я стойко. Потому что виноват. Действительно, как я мог такое учудить? Сам не пойму. Распотрошить такую великолепную мебельную стенку. Выломать отвёрткой пластмассовые фиксаторы. Это же надо было до такого додуматься! Но от осознания вины легче не становилось.

Стою в углу, всхлипывая, шмыгаю носом. Больно. Отшлёпанная задница стонет и печёт. Стою. Мотаю срок. На зарёванном лице – полное раскаяние и сожаление. И всё же... эх, какие магнетики были прикольные!

Сова Манька

Однажды у нас в квартире поселилась сова. Искусственная. Такой себе полтораметровый символ мудрости и знаний, сплетённый из верёвок и соломы. Въехал, значит, этот символ к нам домой, да и разместился у нас на стене в детской, как родной. Отец закрепил сову на стене тремя гвоздиками. Для надёжности. Со Славуниной лёгкой руки сову назвали Манькой.

Где родители взяли это умопомрачительное макраме, ума не приложу. Но появилось оно у нас явно не случайно. В то время я уже служил школьником и, видимо, эта внушительная Манька призвана была вдохновлять меня и Славуню на усердную учёбу, с которой у нас были давние счёты. Представьте себе: раскинулось по стене, над письменным столом, огромное задумчивое чучело. Размашистые верёвочные крылья, хищный острый клюв, большие бездонные глаза и мохнатые мудрые брови. Сидишь за учебником, мучаешь математику (а она – тебя), нет-нет, да и бросишь быстрый взгляд на Маньку. А там такие мудрые брови! Ну как тут предметами прилежно не заниматься? Вот мы со Славуней, вынужденно, и занимались.

Но в один прекрасный день случилась катастрофа. А с чего всё пошло. Выучив уроки, собрав учебники и захлопнув портфель, мне отчего-то показалось, что у нашей птицы совсем худо с бровями стало. Отросли, что ли? Или не расчёсаны? Ну слишком уж мохнатые и мудрые! Под влиянием такого просвещённого образа и до занудного отличника недалеко. Прямо беда, с бровями-то такими. Дай, думаю, подровняю их немного. Глядишь, и Манька посвежеет, спасибо мне скажет.

Сказано – сделано. Я по-быстрому стогнал на кухню за ножницами, вернулся и приступил к операции. Кромсал совиные брови, кромсал, пытел, старался – дуля с маслом! Не получается. Верёвки в плетении слишком толстыми оказались, никак не подрезать. Да и солома в ножницы забивается, мешает. И тут меня посетила удачная мысль. Идея! Притащил спички. Зачем, думаю, постригать, если брови у Маньки можно легко и просто припалить? Вот уж балбесище, как я сразу не догадался?!

Соломенное чучело вспыхнуло за полсекунды. Верёвки, переплетённые сухой соломой, вмиг превратились в огромный горящий факел. Недавний капитальный ремонт детской, за

который ещё не рассчитались со строгой и ворчливой тётенькой-заёмщиком, от вида пылающей Маньки грохнулся в обморок.

Загорелись новые обои. Испуганной куницей я заметался по квартире. А-а-а! На помощь!!! Что же делать? Бегом на кухню. В панике схватил литровую эмалированную кружку, сунул её под кран, наполнил водой. Пять секунд. Какие дорогие пять секунд! Бегом обратно. А в детской уже полный порядочек. Комната вся в дыму, чад – не продохнуть. Какая-то сажа мохнатыми чёрными хлопьями летает. Бывшие брови птицы, наверное. На почерневшей выгоревшей стене вместо Маньки – два грустных стеклянных глаза и обгоревшая головешка на крючке. И по её контуру уже обои горят. Те, которые свежепоклеенные. Новые. Были. Несколько минут назад. Облив этот натюрморт водой, я сбегал ещё. Потом ещё ливанул из кружки.

Фу-у-ухх, потушил. Пожарный. Или пожарник? Что-то взгрустнулось. Да-а-а... Скоро родители с работы вернутся. Они-то и установят мой статус. Точнее, буду получать по этому самому статусу. Широким отцовским ремнём. Рыжим, солдатским. С угрожающей жёлтой бляхой который. Может быть, соврать, что Манька сама загорелась? Не-е-е, не поверят. Ещё и за враньё отсыпят.

А вечером началось. Разгневанно потрясая ремнём, отец зигзагообразно петлял из одного угла зала в другой и бушевал на всю квартиру:

– Ну, сорванец, ну, пакость такая, держись!

Опасливо наблюдая за свистящим ремешком, я забился в угол, в старое глубокое кресло.

– Это же надо?! – взволнованно выкрикивал отец. – Эт-т-то же надо! Божже-ж-ж мой! А если бы сам задохнулся? Что нам тогда делать? Как жить?! А если бы всю квартиру...

– Коля! Я прошу тебя... Ну, хватит! – всю защищала меня мама.

– ...всю квартиру бы спалил!

– Коля!

– ...спалил бы, негодяй!

– Коля!

– ...спалил бы! И себя, и квартиру! Что «Коля»? – О-о-от, охламон! Бестолочь! Не дитя, а какой-то сплошной вредитель! То мебель расковыряет, то забег тараканов на кухне устроит – все полы зубной пастой разрисует, то сапоги свои, гэдээровские, новые, в проруби утопит. По благу доставали... а он... гэдээровские! О-о-оттт...

– Коленька! Пожалуйста...

– ...гэ-дэ-эровские!

– Коля!

– Раисе Фёдоровне долг за ремонт отдали? Ничегошеньки ведь не отдали!

– Да ладно с ним, с ремонтом этим!

– О-о-оттт, негодяй, а-а-ахх!

– Коля! Не жили богато...

– Не жили-и-и-и? Эх, Валя! Сына родили! Бес-со-вест-но-го! Тоже мне, друг, называется! А я с ним в домино, в морской бой, в Чапаева, а он... у-у-у, хулиганище подрастает! – потрясая кулаком, не мог успокоиться отец.

Схватил меня за шиворот, выдернул из кресла – и ремешком, и ремешком! С потягом! Да прямо по попе! Ай-яй-яй!

...Стою в углу, шмыгаю носом. Больно. Отшлёпанная ремнём задница стонет и печёт. Застыл. Мотаю срок. На зарёванном лице – полное раскаяние и сожаление. И всё же... кто из детворы похвастаться может, что сову постригал или костёр дома жёг?..

Школа

Детские воспоминания всегда очень теплы и трогательны. По-другому, уверен, и быть не должно. В детстве мы окутаны любовью и вниманием родителей, у нас лучшие в мире друзья и подружки. Наша детская комнатка – светлый и чистый мирок, в котором живут добрые мягкие

игрушки, смешные поделки, живые цветы в глиняных горшочках и красочные аппликации. В этой волшебной пещерке нам всегда интересно, уютно, безопасно и беззаботно. Если бы ещё не эта гадская школа! Тогда вообще случился бы детский рай на земле.

Ну да ладно. Ложка дёгтя, она ведь, подлая, и в Африке ложка дёгтя. Я это отлично понимал. Поэтому особо и не переживал по поводу тягот учебного процесса. К тому же, добрыми волшебниками придуманы школьные каникулы. Рано или поздно, они обязательно наступают. Особенно, если летние. Ради такого заманчивого бонуса можно было и попотеть, и постараться, и с неизбежностью занятий смириться.

Помнится, берёшь с утра красное яблочко или пару очищенных морковок, заворачиваешь их в полиэтиленовый пакетик, узелок трамбуешь в школьный ранец и – шагом марш, грызть утренний гранит науки. А он, скажу я вам, крепкий парень. Его за просто так не одолеешь. В школе, как в школе. На войне, как на войне. Впрочем, многое зависело от преподавателя. Если везло с учителем, уроки пролетали в одно захватывающее мгновение. Если же наставник сорок пять минут назидания превращал в откровенную отбываловку, то и для нас, учеников, этот неполный час растягивался в скучную блеклую бесконечность.

Как правило, к таким равнодушным и нудным преподавателям быстро лепились самые нелицеприятные клички. Лось, Парабола, Муха, Робот. Сколько было таких учителей! И уж совсем единичны были Валентины Фёдоровны, Татьяны Николаевны или Александры Павловны. Среди школоты упоминание преподавателя по имени-отчеству означало его крайнюю степень авторитетности. «Задрыгала Муха, никак не отцепится со своими кислотами!» – хмурилась пацанва на перемене после химии. Или, наоборот, оживлённо обсуждала после географии загадки Кордильер и удовлетворённо кивала: «Сан Палыч? Нашенский препод!» На уроках у «нашенских» даже самые отчаянные сорвиголовы были нежны и податливы, как взошедшее на печи дрожжевое тесто, прилежны и терпеливы, как знаменитый Пифагор на сдаче экзаменов в Александрийский университет. Школьная гармония на занятиях у «нашенских» проявлялась как никогда. Ученики огромными порциями усваивали аппетитно поданный материал. Усердие же преподавателей сполна вознаграждалось вниманием тихих благодарных слушателей. Но, повторюсь, такой консенсус случался довольно-таки редко.

Зато очень часто на уроках чувствовалась чёрствость и безразличность бронированной махины государственного образования, её поверхностность, шаблонность, безальтернативность. Задания такие-то, параграфы такие-то, истины такие-то – трам-бам-бам! Отключай мозг, жуй материал молча. Сказал такой-то, тогда-то, вот это – трам-бам! То, что было сказано тогда-то – ложь, а вот тогда-то – правда. Трам-бам. Почему? Потому что! Зачем это нужно? Затем! Пригодится. Или вы в каменном веке жить надумали? В неолит захотелось? За дикими кабанами с копьём поохотиться? То-то же. Где в жизни вам понадобятся иксы и игреки? Где надо! И вообще, ученик, вы срываете мне урок. Ваше мнение? А кто вы такой? Ваше дело маленькое – слушать, зубрить, отвечать. Думать за вас другие будут. Не согласны? Родителей в школу!

Странное дело, но в таком положении вещей обвинить кого-либо было сложно. Даже если преподаватель и проявлял достаточное стремление, чтобы донести до школьников программу текущего урока – беседовал с аудиторией, размышлял над сказанным, подкидывал шутки и весёлые истории, вместе с детишками разбирал по буквам чью-то книжную правду, всё равно его роль в примитивном учебном процессе казалась несущественной, второстепенной. Он ведь исполнитель. Чему его научила Система, то он и репостит. Даже гроза разгильдяев и гарант порядка – школьный директор, и тот был как бы ни при чём. И он исполнитель! И он репостит чьи-то чужие истины и правила. Я и вовсе молчу о толстом, упитанном дядьке с мясистым носом, в дорогом костюме и очках в позолоченной оправе – министре образования. Этот образ вообще был для нас, учеников, словно обезьянки Дрилы: многие знают или хотя бы слышали

краем уха, что они существуют, Дрилы эти, только никто их не видел. Точно так и министр этот. Кстати, он тоже исполнитель чужих установок!

Получается, что? Преподаватель ни при чём, директор школы – ни при чём, министр образования – тоже ни при чём. А механизм ущербной и неинтересной передачи шаблонных знаний от старшего поколения младшему – вот он. Кто же «при чём»? Если задуматься об этом на взрослую голову, вполне обоснованно возникает подозрение, что причина неповоротливости, примитивности и однобокости школьного образования, призванного не развивать, а отуплять и упрощать сознание школьника, кроется совершенно в иной от устоявшегося понимания плоскости.

Ну да ладно. Философия философией, а мы с друзьями тосковали на уроках у «не нашенских» вполне себе неутешно, не по-философски. Вот и сегодня школьная рутина какой-то особенно скучной оказалась. Монотонный ботаник, тыкая указкой в плакат и вяло выкручивая фразы, два урока подряд внушал ботаническую нелепицу про пестики и тычинки. На фига нам в мегаполисе эти пестики? Вон, в школьном окне, поглядите, чудеса-то какие творятся! А мы просиживаем тут за ботаникой, точно в тюрьме пыльной.

А за стеклом, заигрывая искорками прозрачного воздуха, снежится зимушка-зима. Погода изумительная, ясная. Свежий морозный денёк. Воробьи-непоседы, согреваясь, наперегонки охотятся за хлебными крошками и пахучими семечками, разбросанными заботливой детворой у школьного крыльца. Туда – сюда, туда – сюда. Чвирк-чвирк-чвирк! Клюв-клюв-клюв! Увесистая сытая ворона, чёрная, с отливом, грузно прилетела по своим вороньим делам в школьный двор. Присела на ветку и, раскачиваясь, словно на качелях, важно так осматривает родные владения. Несуетливый густой снежок, размеренно ниспадая из-под облаков, окутывает заиндевелую озябшую землю. Скажите, пожалуйста, друзья, но только откровенно: любуясь такой картиной, полезут ли вам в голову всякие там пестики, тычинки, химические реакции или учения о дробных числах? Когда в такую-то сказочную погоду дома вас поджидают санки, лыжи или квадратный лист фанеры, на которых со свистом и смехом, радуясь солнышку и зимнему ветерку, можно скользить с верхушки ледяной горы, в окружении таких же счастливых и жизнерадостных ребятишек? Полезут, а? Ни хрена не полезут. Точно вам говорю.

Или, бывало, просиживаешь жизнь в душном классе, а за окошком распускается весна. Постепенно оживает Природа. Солнышко ласкает сочные почки деревьев, только-только проклюнувшиеся на свет Божий. Звенят ручьи. Вокруг расплёскивается уже нехолодный дождик. А воздух после дождя – не надыхаться, словно терпкий пьянящий эфир. Живительную водицу жадно впитывает матушка-земля. Солнечные лучики старательно съедают талые озёрца в низинах и оврагах. Отчаянно сопротивляясь, тают последние островки снега. Сейчас бы в какую-нибудь рощицу, на солнечную живую полянку. Понаблюдать за трудолюбивыми муравьишками. Полюбоваться великим Возрождением. Нежными руками погладить благоухающую невиданными запахами землю. Послушать ликующих птиц, по-весеннему радостно и резко порхающих в бескрайней синеве. Так нет же. Какой-нибудь там физик или математик в это время на ухо: «Бу-бу-бу! Бу-бу-бу-бу! Бу-бу. Бу. Ну что, дети, усвоили принципы построения координатного луча? Вопросы есть?»

Какие там вопросы! Четвёртая учебная четверть началась, ё-моё! Сидит себе каждый за своей партой, мучается. Один по-умному округлил глаза и нацепил маску заинтересованности (ничего себе, системы координат изучаем, блин!) Другой просто застыл, тупо смотрит в одну точку. Третий указательным пальцем в носу ковыряется. Погибшие лейкоциты извлекает. Чем не интеллектуальный труд? Но всех нас на уроке объединяет одно: то я, то мой лучший друг Саня, то Машка с третьей парты, нет-нет, да и бросим быстрый взгляд на круглые школьные часы, висящие над входом в класс. Что, только четыре минуты прошло? Не может быть! Опять сидим, терпим. Как же долго тянется время! «Бу-бу-бу. Бу-бу. Главное, дети, не забываем: луч по иксу, как и по игреку, разбивается равными отрезками. Координата точки «А»

в прямоугольной системе координат определяется значениями абсциссы по иксу и ординаты по игреку...»

Капец какой-то. В тубзик, что ли, отпроситься? Побегать по пустынным коридорам, погигикать, поулюлюкать безнаказанно? Глядишь, ещё минуток пять-десять проскочит. Не-а. Не получится. В прошлый раз уже отпрашивался. Попытка использована. Так что сиди, Витаха, терпи. Боженька терпел, и нам всем велел. Что ж. Сижу. Терплю. Скукотища-то какая! И все сидят. Ёрзают. Терпят. И кидают взгляды на школьные круглые часы над дверью. И удивляются, как за такую вечность минутная стрелка-лентяйка ухитрилась всего три круга пройти.

«...таким образом, зная, что в сумме нескольких чисел слагаемые можно менять местами и заключать их в скобки любым способом, определим математическую последовательность решения...», – продолжает бубнить на ухо математик.

Не на шутку клонит ко сну. Вздремнуть, что ли? Когда же звонок? От неподвижного сидения на деревянной лавке зад немеет и начинает грустить. Ещё немного, и он настоятельно потребует разминки. Побегать, попрыгать, повеселиться. Мы ведь – дети, в конце концов, а не ветхозаветные истуканы каменные! Резвиться и прыгать нам по природе организма детского положено. Отпустите нас! На волю хотим! На ледяную горку, на весеннюю лужайку, куда-нибудь!

«...и напоследок, уважаемые дети, закрепим пройденный материал. Параграф номер двадцать три, двадцать четыре. Выучить правила, отмеченные жирным шрифтом. По системе координат спрошу каждого!» Робот сегодня явно в математическом ударе. Неугомонный.

Ну, наконец-то. Дребезжащая трель звонка хлётко разрывает сонную тишину школьных застенков. Ура! Перемена! Свобода! Кто учился в школе, тот помнит, как после звонка неудержимая ребятня вываливается из классов в коридоры. Двери классов – хлоп, хлоп, хлоп! И уже мчится на выход гигакающе-клубящаяся ватага школяров. Смех, визг, подзатыльники, кружащие над головой портфели, сумки, пакеты с обувью, радость, счастье! У всех, без исключения. Даже если урок проводили не Лось, Парабола, Муха или Робот, а Валентина Фёдоровна, Татьяна Николаевна или Александр Павлович.

Изгой

Вот так однажды и не выдержала моя детская непоседливая душа истязаний школьными занятиями и деревянными партами. А может быть за такими громкими словами просто лень, скрываясь, прячется? Иль жажда волюшки вольной, ветреной, разгульной, беззаботной? Или протест? Не знаю. За давностью лет и сам-то на эти вопросы вряд ли отвечу. Сколько воды утекло. Но факт оставался фактом. Решился я однажды на тяжкое школьное преступление – прогул. Да тут ещё, как на грех, Жюль Верн со своими книжками под руку подвернулся. А читать я любил, страх! Захватывающие экспедиции на Северный полюс, тайны подводного и подземного мира, яростные погони, жестокие схватки между джентльменами и подлецами высшей пробы – читал всё подряд.

Что ж. Десять лет спустя родители создадут небольшой семейный бизнес и выкупят старую государственную столовую. Мы откроем в ней кафе, реконструируем его в ночной клуб, попутно запустим работу продуктового магазина. Вот там нас и будут поджидать и экспедиции, и тайны неизведанных миров, и погони, и схватки, и подлецы. И люди двуличные тоже повстречаются. Но это, друзья, далее прочитаете. Пока же я всего этого не предполагал и ни о чём подобном даже и не догадывался. Детским умом иначе думается, к иному устремляется. Да и окружающий мир в детстве совершенно по-другому воспринимается. Всё в розовых тонах, всё у всех хорошо. Глазами ребёнка жизнь всегда проста, понятна и чиста. И сердечки детские, до поры до времени не испохабленные Системой, по-ангельски добрые, нежные и такие наивные!

Жюль Габриель Верн зацепил меня всерьёз, скажу я вам. «Вокруг света за восемьдесят дней», «Двадцать тысяч лье под водой», «Пять недель на воздушном шаре», «Дети капитана Гранта». Отчаянные мореплаватели, кровожадные индейцы, подлые бандиты, смертельные ловушки! Интереснее – дивное! Настолько я проникся баталиями эсквайра Филеаса Фогга, профессора Аронакса и доктора Самуэля Фергюсона, что совсем ум за разум зашёл. И так хотелось поскорее узнать, что дальше с героями книг случится, прямо сил не было никаких!

И вот, дабы вдоволь начитаться, в один из дней я решился на самое страшное школьное преступление – прогул.

С утра проснулся пораньше, с умным видом собрал портфель, кинул в него два аппетитных яблока (в деле пригодятся) и в школу... не пошёл. Отец выдвигался на работу в двадцать минут восьмого, мама – без пятнадцати восемь утра. Поэтому тактическая задача по проведению школьного псевдовыхода для меня упрощалась. Оставалось лишь выпроводить на учёбу Славуньку, а важную встречу с гранитной скалой науки незаметно перенести на завтра. Что я и сделал.

Засунув книгу Жюль Верна в портфель, одевшись и тихонечко закрыв квартиру, я прокрался на улицу. А там... какая там сказка! На дворе апрель месяц, совсем теплынь. Шальная молодая весна закружила смрадный город ароматом обильных дождей и сочных берёзовых листиков. Абрикос и акация скоро запахнут. В школе гремят уроки. В классах всю грохочут математические равенства, глаголы и ускорения твёрдых тел. Друзья мои там, на передовой, мучаются. А я, счастливчик, вот он! Размахивая ранцем, на весенних улицах свободой наслаждаюсь.

Мысль о том, что нарезать окрестные маршруты во время занятий – дело весьма щекотливое и даже опасное, явилась ко мне достаточно быстро. Как же я об этом не подумал! А ещё и хотел на лавочке посидеть, про капитана Немо почитать. Вот тупица! В таком деле вездесущие дворовые бабульки или просто случайные знакомые запросто могли оказаться где-нибудь поблизости. Запеленгуют мою праздную особу, маякнут родителям на службу. А далее всё просто – вечер, нравоучительная беседа, отцовский ремешок.

Ситуация обострилась буквально на глазах. От таких крамольных предположений и меня, и моё место для наказаний сразу бросило в жар. Опасливо озираясь, я скоренько завернул на территорию соседнего детского садика и заторопился к игровой площадке, обустроенной в тени раскидистых деревьев. А вот он и наш дуб-дубовичок! Этот древний статный великан был любимцем всей нашей хулиганистой поселковой пацанвы. Дворовая мелюзга порхала вокруг величественного гиганта в салочки. Местные двенадцатилетние середнячки, возомнив себя мужественными скалолазами, покоряли его могучие раскидистые ветви. Ребята постарше прятались под кроной дуба и пробовали свои первые в жизни папиросы. Дубовичок был сердцем нашего двора. А теперь он станет и местом моей временной дислокации.

Поплевав на ладошки, потеряв их и зажав в зубах невкусную дерматиновую ручку портфеля, я полез на дерево. Неудобно-то как! Ползу, пыхчу. Опять ползу. Портфель, зажатый между стволом и головой, то и дело тычет в лицо холодной железной пряжкой. Тык-тык-тык! Упругие ветки стегают по глазам. Ползу. Три метра позади. Пять метров позади. Семь. Наверное, целых десять. Ох, хватит! Ничего себе, вскарабкался! Теперь точно никто из прохожих не заметит. Удобно расположившись на толстой рогатой ветке и достав любимую книгу, я аппетитно хрустнул припасённым сочным яблочком и погрузился в волшебный мир путешествий.

Четыре часа пролетели как одно мгновение. Уже и второе яблоко съедено. И ветка дерева не такая гостеприимная, все деликатные места надавила. Пора спускаться вниз. Тем более, уроки в школе подходят к концу и я на полных правах могу появиться у себя во дворе. Так я и поступил.

Сiju вечером дома, учу уроки. Скверноватое настроение. Самое неприятное в авантюре было то, что пришлось обманывать родителей. Но иного выхода я не видел. Кому захочется, чтобы по заднице отсыпали?! Никому. А в нудной школе кому охота дни свои просиживать? Да ещё и просыпаться ради этого ни свет ни заря? Тоже никому. Вот и пришлось обманывать.

Вообще, вспоминая детское враньё и выдумки, складывается понимание, что детишки идут на обман не из-за хитрости или плохого воспитания. Не в этом дело. Зачастую, детишки обманывают родителей из-за элементарного страха. Да-да, друзья – именно страха! Абсолютного, всепоглощающего, удушающего страха маргинала перед общепринятыми стандартами и требованиями окружающего социума.

С момента рождения детей и до полного их взросления, Система, руками родителей, затискивает мелюзгу в невидимые, но вполне ощутимые рамки. Дрессировка начинается с первых дней жизни. Вначале роль рамок исполняют тесные пелёнки, полиэтиленовые подгузники, утверждённый режим сна, бодрствования и приёма пищи. Пришло время завтракать – ешь и не трепыхайся. Зальют противную пищевую смесь, воткнут в рот дурно пахнущую резиновую или пластиковую соску. Готово! Управились! Коль пришло время кушать, значит кушать нужно. Естественно, тут же приходится спасать своего малыша от бесконечных запоров и резей в животике. К воспалённому кишечнику ребёночка поспешат болючие клизмы, пипетки для отвода газов, жмени горьких лекарств. После процедур малючку вновь нацепят химические панталоны, заматают в пелёнки, туго стянут руки-ноги и прикажут спать. Ребёночку придётся подчиниться. По другому никак.

Через год-два наступит детский сад. И тут рамки! Чужое пространство, визжащие в слезах детишки-бедолаги. Казённый гречневый суп. Часто – невнимательные и нетерпеливые воспитатели, нерадивые нянечки. Ребёнок разрыдается? Мамочку зовёт? «Да не переживайте вы, мамаша, – отмахнётся равнодушная воспитательница. – Не один ваш такой. Все через это прошли. Оно покричит, да и перестанет». Да, действительно, долго-долго будет звать брошенный в детсад ребёнок своих родителей. Да, действительно, потом перестанет. Привыкнет. Его снова заставят смириться. Система заставит. Как и прочих «коллег» по цеху из ясельной, младшей, средней и старшей групп.

И снова обед по расписанию. Потом дневной сон. «Как же, ведь это режим дня, это жутко полезно!» – воскликнут многие. Да, отчасти это верно. Как и то, что дневной режим для каждого маленького человечка – понятие сугубо индивидуальное. Вот и нужно укладываться спать, потому что так надо (хотя и спать-то совсем не хочется), а ровно через полтора часа срочно просыпаться. Снова «так надо»! Видите ли, пятнадцать тридцать на часах. Дежурный полдничный компот с галетным печеньем подали. А кому-то доспать охота, хотя бы ещё минуточек двадцать. Подъём. Прогулка. А там, глядишь, и родители с работы вернутся, из клетки вызволят, домой заберут.

Так пройдёт ещё три-четыре года. Потом школа. Очередной конвейерный этап Системы. Подъём в семь ноль-ноль. Бутерброд с сыром – в зубы, фрукты и бутылочку с питьевой водой – в ранец, ранец на плечо, ноги в руки, и помчался! Следующие десять лет жизни подрастающий ребёнок проведёт за унылой партой, внимая сорокапятиминутным речам по-своему несчастных педагогов. Его научат определять тригонометрическую зависимость косинуса от котангенса, составлять траектории перемещения электростатических зарядов, выделять газлиновые фракции бензина. Девяноста процентам школьников эти знания в жизни так и не пригодятся. Зато из них слепят *нечто сущее*, весьма отдалённое от идеалов божественного Мироздания, но вполне устраивающее технократическую Систему. Это *нечто сущее* будет прекрасно разбираться в электронных форматах файлов, не менее прекрасно ориентироваться во вспомогательных алгоритмах и символьных типах данных, но не сможет вырастить даже простой морковки для пропитания.

Без шуток, спросите у городской молодёжи, откуда берётся морковь или свекла, если внутри этих овощей нет ни семечек, ни косточек. Спросите. Послушайте, что вам ответят. Это не смешно, это страшно. Я как-то поинтересовался у одного знакомого молодого человека, программиста по образованию. Пацану двадцать два года. Двадцать два! Считаю, здоровый умный мужик. Вначале он смеялся, за смехом пытался скрыть своё невежество. Потом, так же смеясь, он ответил, что морковь и свекла растут в гипермаркете. А после этого, когда я настоял на ответе, совершенно серьёзно понёс ахиною о том, что эти овощи вырастают из крошечных морковок и свеколок, которые весной в свою очередь вылазят из зелёных почек прошлогодней моркови и свеклы.

После школы наступит черёд специальных учебных заведений – всевозможных лицеев, колледжей, техникумов, институтов и университетов. И там воспитание винтиков будет происходить по накатанному сценарию. Хоть умри, но грызи примитивные знания. Хоть загнишь, но превращай себя в убогую пружинку Системы. Ломай, круши, изводи в себе Человека, перedelывай сознание в гаечку для чужих разводных ключей-требований! Через «не могу». Через «не хочу». Через «не идёт»...

Жуткая боязнь за невыполненную контрольную или курсовую работу будет учащимся великолепной мотивацией. Несданный экзамен повиснет над головой, словно Дамоклов меч. Перспектива проваленного зачёта стеганёт по воле, как бич римского вилика-надсмотрщика. Следом зашевелится страх перед родительскими нареканиями. К нему прилипнут ещё несколько боязней. Боязнь огорчить папу и маму. Боязнь быть позорным двоечником. Боязнь быть тем, кем не принято быть. Боязнь стать тем, кем быть нельзя. Нельзя по установленным, опять же, неизвестно кем, правилам. Боязнь быть не таким успешным, как другие.

Понимаете, что происходит, друзья? Какое насилие-то творится, понимаете? Изощрается бедная детвора, лебезит, старается понравиться Системе, быть ей удобоваримой, не слишком выделяющейся. А при этом пытается ухватить и свои радости – вволю побегать, попрыгать, порезвиться, пообщаться с друзьями и подружками, посмеяться, познать новые грани мира – по чистому зову души познать, а не так, как принято кем-то, когда-то, в рамках сорока пяти учебных минут.

Знания необходимо получать? Очень необходимо! Не вопрос. Никто и не призывает к безграмотности. Давайте получать. Только надобно обустроить учёбу так, чтобы она проходила для ребёнка интересно, доступно, безо всяческого давления над личностью. Без вбивания знаний чугуном молотом системы образования. Без уродования сознания школьника общепринятыми догматами и родительскими нареканиями.

Да, над качеством и содержанием преподаваемой информации тоже неплохо было бы поработать...

Вечер подходил к концу. На вопросы родителей: «Сыночек, как дела? Что в школе? Что новенького?», я ответил невыразительным мычанием. Совесть прилично давит. Но отвечать что-то было нужно. Вот я и мыкнул что-то вроде «почти всё хорошо». Так стыдно было в эту минуту, кошмар! Никогда ещё не проникала в нашу семью такая грандиозная брехня. И я брехун! А что мне было делать, кто скажет? Тут либо Жюль Верн, яблоки не по расписанию, вольница от пыльных классов и свежий воздух, либо обман.

«Ну, ничего, – утешаясь, думал я про себя тихонечко. – Один раз обману чуть-чуть... нет, даже не обману, а введу родителей, так скать, в малюю-ю-юсенькое такое заблуждение, один разик – и всё! Опять буду прилежным и рабски покорным химии и геометрии». Так я решил, и на следующее утро с чистым сердцем в школу... опять не пошёл! Доктор Фергюсон с верным Диком и преданным слугой Джо только-только озеро Чад миновали, чуть не погибли, понимаешь, а до Сенегала им ещё топать и топать. Полтора страница. Какая там школа!

Снова вышел на улицу, залез на свой любимый дуб, книжку – в руки, дочитываю невероятные приключения неустрашимых британцев. Грызу морковку. Вку-у-усная! А сочная какая, сахарная! Солнышко греет, листики, обласканные весенним ветерком, шуршат. Толстая муха, забавная такая, глупая, тяжёлая, рядом с ухом прожужжала. В солнечных лучиках золотятся тоненькие нити паутинок. Кроха-паучок в своём хозяйстве копошится, старается. Я на свободе, с любимой книгой! Над душой не висят ни спряжения глаголов, ни законы Ньютона, ни злющая историчка Сусанна Анатольевна со своей «Всемирной историей». («Историю» эту несчастную за последние двести лет раз пять переписывали, износилась вся, бедная). Какая лепота!

Вечером пришлось притвориться, что приболел. (Опять «ввёл в заблуждение»). Наверное, весенний ветерок, обманчивый, тёплый, «просквозил». Родители, наблюдая подавленно-угрюмое состояние своего дитя, заподозрили было неладное. Но проверив дневник и не обнаружив там предполагаемых двоек и строгих замечаний, успокоились. На третий день я не пошёл на учёбу, потому что испугался. Как я буду объяснять в школе двухдневный прогул? Медицинской справки нет. Записки от родителей тоже нет. Что делать? Оставалось приняться за новую книгу. И на четвёртый день я не пошёл в школу. И на пятый тоже. Спустя три недели прогулов вся подписка Жюль Верна была прочитана от корки до корки. Хотел было взяться за Роберта Стивенсона и Джека Лондона, руки не дошли. Медленно меня начал заполнять липкий леденящий страх. Страх перед наказанием. Страх за то, что я очень подвёл папу и маму. Что обманывал их три недели подряд. Страх за то, что я какой-то больной псих! Как я мог такое учудить? Это, поди, не сова Манька, пылающая на новых обоях. И не вертолётчики. И даже не гэдэровские фирменные сапоги, обречённым «Титаником» ушедшие на дно грязного городского ставка, когда я пытался побултыхать ногами в свежей проруби. Какой же я болван!..

Ну что ж. Сам начудил, самому и расхлёбывать кашку. Чего бы придумать? Следующим утром на дуб решил не лезть, остался на свой страх и риск дома. Ходил из угла в угол, ходил. И так прикидывал, и сяк – ничего в голову не идёт. Нужно ведь сразу двух зайчиков поймать – и проблему решить, и изловчиться, чтобы родители не узнали про моё преступление. Конечно, идеальным вариантом было бы найти медицинскую справку. Достать бы эту заветную бумажку, а потом в учёбе я бы, у-ух, поднажал! Догнал бы и перегнал всех. Зубрил бы до полного онемения задней части организма. Да только где же её, родимую, взять-то? Ходил, бродил, страдал, думал. Полез в шкаф. Вытащил домашнюю папку с документами. Порылся. Может, повезёт? Вынул из бокового карманчика несколько старых бумаг. Так, что тут у нас? Квитанция об оплате за электроэнергию (четыре копейки за один киловатт!), приглашение пункта приёма макулатуры на получение книг. Талон на бензин АИ-93 (тридцать шесть копеек за литр!) А это... а это... а это что такое?! Мамма мия! Не может быть. Я не поверил своим глазам. Справка!

Ничего не понимаю. Откуда? Как? Где? Серая, потёртенькая, слегка мятая. Но всё же справка. И тут я вспомнил, как было дело. С год назад я заболел острой респираторкой и провалялся дома дней, наверное, десять. После выздоровления участковый врач, как полагается, выписал мне справку. Но каким-то непостижимым образом в школу она тогда не попала. То ли упала за холодильник или за стол, то ли завалилась среди газет. В общем, родители повторно в больницу ходили, новую справку выписывали. Это же надо, такое везение!

Присмотрелся. Дата, естественно, другая, годичной давности. Но разве у меня есть выбор? Буду рисковать. Авось не станут в школе присматриваться. Самое главное, на справке стояла кругленькая печать поликлиники. И размашистая, мало разборчивая роспись терапевта тоже имелась. Диагноз написан. Дополню только его немножечко, подправлю лезвием дату, и готово! Но для начала, прикинул я хитро, следует придать заветной бумажке презентабельный вид.

По-заговорщицки шурша домашними тапками, я направился на кухню. Нагрел на газовой конфорке чугунный утюг (для веса), положил справку на лист «Известий», тщательно раз-

гладил. Сверху другим газетным листом накрыл. Старался ох как усердно! Даже запотел слегка. Наконец, схема была готова. Я снял раскалённого соучастника преступления с конфорки и поставил на подставку у стола. Везёт же ему, чугунному утюгу! Он ни в чём не виноват. А я вот кручусь, верчусь, переживаю. Натворил бед, теперь изворачиваюсь, словно скользкий речной линь.

Прогладил справку для верности раза четыре. Убрал верхний лист газеты, а там – блеск! Справочка гладенькая, ровненькая, без сучка и задоринки. Правда, слегка затёртая, пыльная, да на сгибе немного грязная. Ну да ладно. Это не беда. Зажав в запотевшей ладошке свой пропуск счастья, я галопом поскакал в детскую комнату. Положил справку на письменный стол, включил настольную лампу. Тщательно подобрал шариковую ручку, чтобы цвет пасты совпал. Предстояла вторая, не менее ответственная часть дела – дополнить диагноз нужным комментарием. Простудой ведь три с половиной недели не болеют! Сижу, думаю думаю. Почесал затылок, сморщил лоб. Ну что ты скажешь, не идёт мысль! Опять почухал затылок. Чего бы такого придумать? Так-с, используем дедуктивный метод Шерлока Холмса. Как он там говорил? Любое звено частного заключения выводится из общей цепи событий. Получается, что? Нужна болезнь, при которой я бы в принципе не имел возможности посещать школу. А если я не могу попасть в школу, следовательно, я не могу до неё дойти. А если не могу дойти, значит у меня что? Правильно! Пе-ре-лом. Лучше, если перелом ноги. Или сразу двух. Чтобы наверняка. Хотя нет, сразу две ноги «переломать» как-то стрёмно. Не поверят. Одну – самое то. На костылях-то в школу даже с одной переломанной ногой не пускают. Ура! Гениально! Сейчас только потренируюсь, чтобы почерк похожий был. Благо, у всех педиатров и травматологов почерк – ну вылитый мой. Ни фига не прочтёшь и не поймёшь. Как ни старайся.

Потренировавшись минут десять в черновике, я почувствовал, что к решению наболевшего вопроса готов. Оставалось лишь поставить жирную точку. Набрал в лёгкие побольше воздуха, затаив дыхание и отчаянно выпучив глаза, более-менее похожим (детским!) почерком я присовокупил к сухому медицинскому официозу своё дополнение. Чуть-чуть подчистил лезвием дату. Кстати, хорошо вышло. И вот, финал. Исходный документ, слегка видоизменённый и дополненный моей находчивой рукой, принял следующие очертания:

«СПРАВКА. Выдана ХХХ Виталию Николаевичу, 29 февраля 1976 года рождения, в том, что он действительно болел ОРВИ. Обозначены следующие наблюдения и выводы:

Перенёс острую респираторную вирусную инфекцию. Жалобы на повышение температуры. Ухудшение в ночное время. Инфекция мочевыводящих путей. Слабость. Снижение аппетита. Нёбные миндалины – гипертрофия 1–2 степени. Костно-мышечная система без патологии. Хрипы сухие, свистящие, жужжащие, гудящие отсутствуют. Одышка отсутствует. Тоны сердца громкие. Дыхание через нос затруднено, отделяемое из носа – слизистое. При аускультации дыхание жёсткое. Мочеиспускание не нарушено. Лечение назначено. *И ещё сломал левую ногу».*

На следующее утро, повыше подняв честные глаза и нагло прихрамывая через два шага на третий, я отправился в школу навёрстывать учебный пробел.

Выжили ли от смеха преподаватели, когда я страдальчески преподнёс им свой больничный аусвайс, уже и не помню. Наверняка выжили! Потому что в тот же день к нам домой примчалась наша учительница Нина Семёновна и родители узнали горькую правду. (Стационарные телефоны тогда были редкостью и даже роскошью, про мобильную связь и слыхом не слыхивали).

На сей раз меня никто не наказывал. Даже знаменитый солдатский ремешок не был вынут из широких отцовских брюк. В семье сложилась такая атмосфера, будто бы кто-то из наших соседей или друзей засобирался в мир иной. Тишина, скорбь, шёпот голосов. Я забился в детскую. Лёг на кровать, с головой спрятался под одеяло. Внахлёст сложил руки на груди (для

большого трагизма образа). Типа, собрался помирать. Славуня – рядом за столом сидит, пытается сделать вид, что занята уроками. Тоже молчит. Родители за стеной шушукаются. Ох, что же меня ждёт-то?!

Пролежал под одеялом минут сорок. Нет, такое ожидание просто невыносимо! Нужно срочно прояснить ситуацию и приготовиться к самому худшему. Я тихонечко вылез из-под одеяла и прокрался на кухню, якобы попить водички. А сам тайком зыркнул в коридор. Вижу, отец расхаживает из спальни комнаты в зал, из зала в спальную. Туда-сюда, туда-сюда. Молчаливый, подавленный, расстроенный жутко. Нервно приглаживает волосы. Задумчиво трёт виски. Мама, заметил, сидит в кресле. Плачет. Ну как любимое всеми дитя, растущее в порядочной и благополучной семье, такое смогло начудить? Мебель, утопленные сапоги, забег тараканов, Манька, теперь вот школьные прогулы на полчетверти. А дальше чего ожидать? Славуня, та вообще до конца не врубится, как себя вести: то ли, глядя на меня, покрутить пальцем у виска, то ли меня поддержать – скорчить смешливую гримасу со страшными глазами.

Одно стало ясно – сегодня меня наказывать не будут...

Сижу на кровати под одеялом, пыхчу, остервенело съедаю себя. Я – негодяй! Я – чёрствая скотина! Лживый подлец. И нет прощения мне в веках! (Самобичевательные речи лились фразами из романов Жюль Верна). Как же я подвёл родителей! Отец разочарован и подавлен, мама плачет. Это невыносимо. Лучше бы уже заругали по теме «бессовестного негодяя», а затем и ремешки как следует выписали. Полегче бы стало, верное слово. Я изгой. Меня никто не любит. Да я и не заслуживаю этого! Я никому не нужен. Я поступил не как все. Как двоечник. Я самый настоящий преступник, рецидивист со склонностью к прогулам уроков, разламыванию мебели и сжиганию соломенных чучел. Жизнь кончена... Всё пропало...

Но в чём, собственно, я виноват? Почему родители, наверняка презирая меня, никак не поймут, что и мне оправдание есть? Пусть малюсенькое, незначительное, но всё же? Не приемлет душа насилия над собой. Не приемлет! Не могу сидеть месяцами в сером пыльном классе и слушать монотонное бурчание равнодушных Мух, Лосей, Парабол и Роботов. Не хочу внимать очередным придурковатым нормам существования. Ненавижу нудные неинтересные уроки! Не хочу изо дня в день бояться и дрожать, что не выучил тот или иной предмет. А учить их я тоже не хочу! Неинтересно. Не потому, что тупой, а потому что ко всем нам, школьным разгильдяям и отличникам, применяются тупые, кем-то регламентированные подходы и установки. И даже не тупые! Они ни хорошие и не плохие. Они никакие. Чужие! Понять мы этого не можем, мы ещё дети. И сформулировать не можем. А вот почувствовать – запросто. Чтобы распознать чужака, сердечку детскому не нужны знания дифференциальных уравнений. Потому все школьники и пинают свои портфели и ранцы. Потому и поджидают каникулы, как самое счастливое избавление от рабства.

Такое детское поведение вполне объяснимо. Большой и дружной толпой мы втиснуты в одни и те же рамки Системы, комфортно воспринимать которые мы не способны ни на физиологическом, ни на ментальном уровне. Но Система давит, она мощнее, её усилия узаконены, и нужно подчиняться. Подчинился – послушный винтик, никто тебя не тронет. Не подчинился – изгой. На изгоев обрушивается вся карательная мощь Системы, начиная от родительских слёз, нареканий родственников и заканчивая административно-правовыми мерами принуждения – общественным порицанием, презрением и отказом в переводе на следующую ступень образования. Страшно быть изгоем. Дети подчиняются. После детского сада они ломаются ещё раз.

Педагоги учат нас по правилам и нормам, установленным неизвестно кем. Мы якобы внимаем школьной науке, насколько хватает детского терпения. Ведём себя не как чувства подсказывают, а как принято. Опять же, неизвестно кем. Якобы соглашаемся с чужой правдой, с чужими ценностями, с чужими мыслями – только лишь потому, что они прописаны в солидных школьных учебниках, умных газетах и взрослых энциклопедиях. Совершаем обще-

принятые поступки, выводим общепринятые умозаключения, общепринято реагируем на влияние внешнего мира. Поведенческие шаблоны подаются под строгим прямоугольным штампом: «Так принято». Какая странная и лукавая заковыка! Целый мир живёт по правилам и установкам, принятым неизвестно кем. Никто не понимает природы Системы, зато все твёрдо уверены: это правильно. Это нужно. Так заведено. Не дёргайся...

Я точно изгой. Нужен огромный мешок. Вёдер на шесть-семь. В деревне у бабули в такие мешки с полей и огородов картошку собирают. И название у него есть – чувал. Так вот. Мне нужен вместительный чувал. Для пятёрок. Буду носить их из школы. Втиснусь в рамки. Стисну зубы. Буду учиться до полного онемения пятой точки. Буду сидеть, зубрить и сдавать предметы. Я очень сильно люблю папулечку и мамулечку. Славуньку, сестричку, тоже люблю. И девушка у меня любимая уже есть. Наташка-гимнастка, в нашем классе, в правом от меня ряду, за второй партой детство своё просиживает. Мы с ней совсем не дети. Взрослые! От провожаний домой и транспортировки портфеля давно уже к поцелуям в щёчку перешли. Я хочу оправдаться перед всеми. Я стану послушным, умным и безропотным отличником. Докажу, что могу! Ведь мне так хочется, чтобы меня снова полюбили и уважали!

И никакие переломанные ноги и ОРВИ теперь меня не остановят!..

Система

Что такое система? Обратимся за помощью к энциклопедическому словарю русского языка. Система или сочетание – это множество взаимосвязанных элементов, выделенное и обособленное от среды и взаимодействующее с ней (системой) как единое целое.

Сразу отметим, что система – это весьма многогранная сущность. Она способна выражаться в чём угодно и выглядеть как угодно. Система может иметь малые формы, скромный размер и простенькое содержание либо огромную, Вселенского масштаба, структуру. По большому счёту, куда ни глянь – всюду система. Она может представлять собой сочетание механических деталей – допустим, платформу зубчатых передач в двухступенчатом цилиндрическом редукторе. В игрушечной гоночной машинке тоже есть своя система – конструкция инерционного моторчика. В компьютере, планшете и мобильном телефоне работает операционная система. Системой может быть специальный диетический комплекс, разработанный для похудения индивидуумов, обожествляющих плюшки, пирожные и тортики. В любом административном, производственном или жилом здании функционирует система вентиляции. В банковском секторе то и дело разоблачают системы обмана доверчивых вкладчиков – финансовые пирамиды. Да мало ли какие ещё бывают системы. Бесчисленное количество вариантов.

Нам, безусловно, интересно, каким образом крутятся колёсики в механизме игрушечного автомобильчика, как устанавливать компьютерные кодеки и драйверы, и что нужно кушать, чтобы похудеть на десять килограмм за полтора дня. Это всё любопытно. Но это всего лишь детали. Обособленные штришки огромного мира, бурлящего за нашими с вами окнами. Сегодня мы будем говорить о более глобальном – о мировой Системе в целом. Рассматривая эту колоссальную конструкцию, нам важно насладиться не малюсеньким изображением крохотного пазла, а всей художественной иллюстрацией. Целиком. Важно взглянуть на действительность взглядом не рядового обывателя, но мудрого и равнодушного человека, решающего судьбу нынешнего временного отрезка. Важно осознать величие и упадок эпох, почувствовать, а точнее – прочувствовать их древний безостановочный ход, вековую мудрость и неизбежность. Важно приостановить свой суетный мирской бег и спокойно, без лишних эмоций, ответственно и справедливо оценить окружающее нас бытие. Потому как сейчас, на мой взгляд, самый удобный момент. Другого не будет. Не дадут...

Начнём сразу с главного. Человеческое сообщество живёт в Системе, в которой подвергается влиянию множества подсистем (минисистем). Диеты, хобби, межличностные отношения,

автомобили, редукторы, мобильные телефоны, операционные программы и прочие крохотные штришки мира (минисистемы) – это типичные материальные и нематериальные следствия устремлений и поступков, которые мы, человечество, совершили вчера, на прошлой неделе, в том году, в позапрошлом веке или до рождества Христова. Они есть неотделимые, но не первостатейные элементы бытия. Следствиями всегда управляют основания, предлоги и мотивы – то есть первопричины. Именно первопричины определяют качество, наполненность и направленность следствий, которые влияют на наши действия, поведение, образ мышления, которые в итоге составляют нашу судьбу. Первопричины решают за нас, как нам жить и жить ли нам вообще.

Современный мир-Система – это семь миллиардов дремлющих потребителей, живущих следствиями и не понимающих первопричин. Нынешнее сообщество, со всей его циничной политикой, убогой экономикой, атеистической культурой и прогнившими социальными отношениями, в своей потребительской полудрёме опустилось ниже уровня привокзального клозета. Люди увлеклись крошечными пазлами-следствиями настолько, что потеряли из виду цельный живописный холст духовности, объясняющий смысл существования всего Мироздания. Виной тому – духовная блокада мирового сообщества, планомерное и целенаправленное упрощение Человека в рамках жёстко регламентированного нового миропорядка. Всё реже люди любуются прекрасными звёздами, ещё реже – вспоминают об Отце-Творце. Всё чаще восхищаются высокотехнологичными безделушками – OLED-телевизорами, умными холодильниками, планшетными компьютерами, смартфонами и прочей технократической чепуховиной. Всё шире практикуется такой себе изоцрэнный софизм – заведомо ложные и лицемерные утверждения, принимаемые оглуплённой массой за истинные и бесспорные. «У нас всё классно!», «Научный прорыв!», «Мощь прогресса!», «Умная цивилизация!», «Вот уже и до коллайдера, и до истребителей шестого поколения доросли!», «Всё будет хорошо!» и прочие нелепицы сквозят из каждого телевизора, орут из каждой радиоточки, пачками попадают в посты и репосты сотен социальных интернет-сообществ. Учитывая тот факт, что на сегодняшний день человечество находится в полном духовном упадке и самой плотной со времён Нового Завета изоляции от общечеловеческих ценностей, громогласное декларирование в духе «всё хорошо, всё классно!» представляется не иначе как циничной ложью и лицемерием.

Но подобной оптимистической браваде дано звучать до поры – до той минуты, пока каждому человеку, как говорят, петух жареный в одно место не клюнет. Миллиардам жителей нашей планеты пока ещё не клюнул. Они беззаботны, счастливы и свято верят в исключительную силу доллара. Миллионы начинают подозревать неладное и задумываются, в какой среде будут жить их дети. Сотни тысяч уже догадались, что происходящие с «умной цивилизацией» процессы на самом деле напоминают детские картинки ада, со всеми его рогатыми чёртиками и круглыми раскалёнными сковородками, наполненными перепуганными грешниками. Тысячи людей обернулись к Природе и Богу, отстранившись от вожделенных технократических «благ», «перспектив» и «свобод». Поскольку Системе всё тяжелее выдавать адское пламя за радиатор отопления, к счастью, эти тысячи множатся. Всему своё время.

Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время родиться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне и время миру. (Еккл. 3: 1–8)

Система, которую мы будем разбирать по косточкам – это глобальная конструкция человеческого сообщества, определяющая порядок взаимодействия и взаимоотношений отдельно взятых его подразделений и структур. Вплоть до единичных участников – людей. Нас с вами.

Таким образом, друзья, в дальнейшем определимся рассматривать мировую Систему как взаимосвязь моделей человеческого поведения, социально-экономических отношений и морально-этических норм, действующих внутри основных социальных институтов – семьи, общества, государственной власти и Церкви. Под обществом будем подразумевать также более мелкие подинституты – учебное образование, поддержку законов и установленных юридических правил, обеспечение средств существования (рабочая и бытовая занятость, карьера, служба).

Чтобы понять сущность мировой Системы и предугадать её дальнейшие действия, нужно обладать хотя бы поверхностными знаниями о возникновении и становлении этого гигантского механизма. Поэтому давайте совершим получасовой экскурс в глубокое прошлое Системы. К истокам бытия. Предельно кратко, в нескольких предложениях, нащупывая исторические параллели и сопоставляя объективные выводы, вспомним наших далёких предков и освежим в памяти ряд ветхозаветных библейских событий. Это поможет нам проследить развитие процессов, упрощающих и развращающих любимое творение Бога – Человека, разобраться в текущем положении вещей и определиться, куда идти дальше...

Итак. Согласно преданиям ветхозаветных пророков и посланиям святых апостолов Нового Завета, Система издревле овладела человечеством. Порождая бардак и неразбериху прежде всего в душах и мыслях человеческих, Система сеяла хаос и на материальном плане бытия. На разных этапах истории пророки боролись с духовным бедламом как могли. Они устанавливали табуирующие заветы, слагали притчи, легенды, поверья, передавали последователям святые заповеди. Наставляли на путь истинный заплутавший люд. Их успех был относителен. Из века в век падение человека то ускорялось, то притормаживалось. Но никак не прекращалось.

Первый грех, первая кровь – братоубийство. Землепашец Каин восстаёт на родного брата – пастыря Авеля.

И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. (Быт. 4: 8–11)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.